

УДК 070 + 323.172(57)

В. В. Шевцов

ОБРАЗ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ И ЧАСТНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ*

Рассматривается процесс самоидентификации сибирской провинции на страницах официальных «Томских губернских ведомостей» и частных изданий в 1860–1880-х гг.

Ключевые слова: сибирское областничество, «Томские губернские ведомости», общественное движение в Сибири, сибирская печать.

Периодическая печать в Сибири возникла довольно поздно и была связана с распространением правительственного проекта 1837 г. по изданию губернских ведомостей на зауральских территориях. Несмотря на ограничения, установленные программой издания, в неофициальных частях тобольских, иркутских, енисейских и томских ведомостей, начавших выходить с 1857 г., можно проследить процесс самоидентификация сибирской провинции в культурном, этническом, экономическом и иных смыслах.

Рассмотрим тему конструирования «особости», самобытности Сибири и ее населения на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1864–1865 гг., когда в ее редакции начинали свою работу идеологи сибирского областничества Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Эта тема раскрывалась посредством следующих сюжетов:

Первый из них — это отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая и Америку: «Забитое общество, угнетенный народ»; «Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым колониям и бразильским обществом капиталистов?»; «...мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы»; «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития»; «Жизнь нашей страны, вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир»; «Правительство начало смотреть на Сибирь, как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну»; «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...».

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Проект 2010–1.5.–506–009–015 «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторические и современные аспекты».

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета (e-mail: totleben@yandex.ru).

© Шевцов В. В., 2011

Второй — это негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и описание будущих перспектив ее развития: «Vive la mort и да водрузится будущее!»; «История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни»; «Наша страна... лежит в запустении как мертвый труп»; «Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал»; «В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших»; «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...»; «...сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири»; «Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский»; «Умственный уровень Сибири на низшей степени...»; «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария».

Любопытно, что в презентации самосознания регионов Европейской России преобладали позитивные высказывания об историческом прошлом, его героизация, описание деятельности великих исторических личностей в связи с местной историей, определение значимости региона в связи с его участием в жизни Российской империи [3, 114–128; 4, 19; 9, 20].

Третий важный сюжет газетных публикаций, на основе которого проходило конструирование сибирской идентичности, — это особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории: «завоеватели»; «открыватели новых стран»; «отважные промышленники»; «дух авантюризма»; «стремление к улучшению своего быта и создание жизни на новых началах»; «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах»; «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история»; «Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра»; «...в Сибирь пришла самая энергичная и предприимчивая часть русских людей...»; «свободная казачья община и русские промышленные авантюристы»; «Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?».

И, наконец, завершающим аккордом в процессе конструирования региональной идентичности местной печатью может считаться объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы»: «особенный тип, тип сибиряка»; «сибирская цивилизация»; «страна»; «наше дальнейшее развитие»; «наш прогресс»; «наши ремесленные произведения»; «наши мастерские»; «наше население»; «наши меха»; «наше золото»; «мы сибиряки, жители ссыльнокааторжной колонии»; «наш молодой край»; «коллективный ум всей Сибири»; «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...»; «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!».

Исходя из приведенных фрагментов, можно сделать вывод, что в целом областничество на страницах «Томских губернских ведомостей» представляло собой разработку вполне легальной и хорошо известной темы прогресса. Применительно к месту рождения участников «петербургского кружка» эта тема, всегда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале.

Прогрессивное развитие описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствии» — «возможность» — «пробуждение» как прошлое — настоящее — будущее Сибири. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей [10, 7]. Своеобразной идеей-символом, служением которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, была идея сибирского университета.

Хотя Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» [5, 178], областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии, в газете представлены не были. Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н. С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы в нем основным направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [6, 59]. На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России... Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний... по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний». Ядринцев, видимо, испуганный масштабами следствия по отношению к масштабу содеянного, раскаивался в увлечении идеей сепаратизма и отвечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего» [5, 185–187]. Не был развернут на страницах губернских ведомостей и один из самых острых вопросов областнической программы — инородческий (за исключением некоторых мелких публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения»).

Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному и местному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время — новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа и в выборе такого ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Тем более что прогрессом сибиряки были обделены дважды — и по отношению к западным странам и по отношению к «внутренней» России. Но в отличие от своих коллег-модернистов из европейской части страны, областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономического положения, положения коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на североамериканский путь развития, что и составило основу обвинения по делу о «сибирском сепаратизме».

С середины 70-х гг. XIX в. официальные губернские ведомости утратили свой монопольный характер — частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общесибирское и даже общероссийское звучание, сосредотачивая в себе лучшие литературные и журналистские силы края. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь», с 1875 г. она издается под редакцией В. И. Вагина и М. В. Загоскина (выходила до 1887 г.). В 1881 г. П. И. Макушиным и А. В. Адриановым в сотрудничестве с ссыльными народниками была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н. М. Ядринцев основал в Петербурге первую бесцензурную газету «Восточное обозрение» (в 1888 г. перенесена в Иркутск), которая стала наиболее авторитетным изданием, представлявшим интересы сибирской провинции.

Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем только их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как и в России, приобретала характер параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами, и оказывала непосредственное влияние на самоидентификационные процессы в регионе.

В связи с подготовкой и празднованием 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России (1882), процесс формирования образа Сибири на страницах дореволюционной периодической печати вновь актуализировался. Первое направление, исходящее от правительственных и консервативных кругов, транслировалось через официальные и проправительственные газеты, второе было представлено либеральной столичной и местной областнической журналистикой. В рамках правительственного консервативного дискурса руководящая роль в высказываниях принадлежала представителям верховной власти. В телеграмме Александра III, адресованной не сибирскому обществу, а восточносибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно и весьма неопределенно сообщалось следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления — предметы Моих постоянных забот. Надеюсь со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями» [7, № 50, 1040]. Аналогичный текст был отправлен генерал-губернатору в Омск, что подчеркивало характер юбилея как мероприятия, прежде всего касающегося центральной и подчиняющейся ей местной власти. Характерно, что дата присоединения Сибири к России, которая по понятным причинам не могла быть точно определена, была привязана ко дню тезоименитства наследника престола, будущего Николая II, — 6 декабря 1882 г. Таким образом, династический и общероссийский праздник становился для Сибири главенствующим, а трехсотлетний юбилей присоединения — второстепенным.

Сибирские власти поддерживали и развивали сходные идеи. Так, томский губернатор В. И. Мерцалов в своей речи предлагал вовсе забыть все темное

прошлое Сибири и начать отсчет ее будущего исторического времени с нового листа: «Много — и хорошего, и худого, пережила эта далекая страна в течение трех веков своего исторического существования; но все это было и былшем поросло! Нам, живущим теперь в Сибири, гораздо интереснее ближайшее будущее, чем далекое прошлое...» (обращает на себя внимание ассоциирование губернатора с местным сибирским обществом, к которому он принадлежал лишь по причине исполнения губернаторских обязанностей). Переселенческое движение, развитие промышленности и торговли, надежды на преобразования судопроизводства и системы самоуправления, наконец, открытие правительством университета и финансирование его постройки позволяли губернатору торжественно заключить, что «все хорошее на Руси всегда и во все времена исходило и исходит из одного источника — Верховной Власти. Если нужды нашей страны удовлетворяются, то этим прежде всего мы обязаны Великим Вождям России».

В этих восторженных (по служебной необходимости) словах явно видны представления о государстве как библейском пастыре, с одной стороны, и просвещенном европейце — с другой. Все надежды связывались с деяниями правительства, которое «зорко следит за нашими нуждами и исполнено готовности удовлетворить действительные потребности населения». Образ России для Сибири выступал в виде отца, старшего брата, обладающего сакральной силой: «Мы с доверием можем обращать взоры в недалекое будущее и благословлять момент, когда Сибирь примкнула к могучему русскому колоссу» [7, № 49, 1010–1012]. В соответствии с традициями описания официальных торжеств громкое единодушное «ура» и многократное исполнение народного гимна было ответом на речь В. И. Мерцалова. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, который в форме доклада на высочайшее имя представил проект преобразований сибирской системы управления, от лица всех жителей края заявил, что «в борьбе с суровостью природы, неизмеримыми пространствами и всякого рода лишениями, сибирское население воспитало в себе твердую волю, несокрушимую энергию в труде, и на рубеже четвертого века своей жизни является готовым воспринять те великие реформы, которые дарованы России державною волею царя-реформатора» [8, № 1, 3]. Примеры подобных высказываний можно множить — правительственная версия образа Сибири как края, который в недалеком будущем будет обласкан милостями и заботами правительства, находила поддержку в многочисленных верноподданнических телеграммах с мест — от губернаторов и городских дум до сельских обществ. В действительности же министр внутренних дел Д. А. Толстой уведомил Томскую городскую думу о неуместности подачи императору ходатайства о распространении на Сибирь реформ, дарованных России Александром II [Там же, № 7, 138].

Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Е. В. Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смыслах [7, № 48, 984]. В формулировке и практической реализации основных направлений этого слияния, касающихся переселенческих, судебных вопросов и вопроса о ссылке, первенство отдавалось не

сибирскому обществу и местной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т. е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги. Корш, оказавшийся в Сибири как уголовный ссыльный, также говорил от имени сибиряков: «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны сознаны, постепенно удовлетворяются» [7, № 48, 982–984].

На страницах столичных газеты («Новое время», «Голос», «Московский телеграф») царские телеграммы патетически расценивались как «нечто небывалое в трехсотлетней истории Сибири», как «целая программа реформ». Обсуждалось даже введение временного чрезвычайного управления для Сибири в лице представителя правящей династии. Недостатки и неурядицы в сибирском управлении и судопроизводстве определялись как имеющие частный характер. В сообщениях от научных обществ основная роль в организации колонизации, строительстве оборонительных линий, исследовании природных богатств отводилась государству. При этом для определения Сибири в пространстве вводились новые топонимы — зауральские колонии, восточная окраина, Азиатская Россия. Так, в речи вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова подчеркивалось, что в «течение трехсотлетнего обладания Сибирью, в отношении к заселению ее и водворению в ней культуры и гражданственности, Россия сделала все, что могла». Провидческим можно считать и высказывание Семенова, что Сибирь не может иметь самостоятельного значения, а является лишь «рукавом», соединяющим Европу с 500-миллионным населением Китая [8, № 1, 11].

На страницах «Восточного обозрения» (С.-Петербург), «Сибири» (Иркутск), «Сибирской газеты» (Томск) был представлен другой вариант дальнейшего развития Сибири. Текущая ситуация описывалась преимущественно как неблагоприятная: произвол и злоупотребления администрации, «поголовное невежество», «кругом господствует безгласность и обман» (при этом Сибирь как «новая неразвитая страна» могла непосредственно, минуя Россию, сравниваться с Европой и Америкой). В преодолении этой ситуации ведущее место отводилось не администрации, сделавшейся «прогрессивной» по причине лишь сохранения своих привилегий, а местной интеллигенции, которая описывалась в таких терминах, как «друзья народа», «лучшие силы», «оплот против дурных инстинктов», «честные общественные элементы», «достойные руководители» и т. д. Именно они должны способствовать перенесению на Сибирь общерусских преобразований и учреждений, прежде всего гласного суда и земского самоуправления. При этом из-за низкой грамотности городских и сельских обывателей население должно было наделяться правом избирать своими представителями священников, учителей, врачей, которые выскажут «думы и затаенные желания» Сибири, т. е. фактически местное самоуправление должно было оказаться под контролем сибирской интеллигенции. Силами, противостоящими «пробуждению Сибири», являлись представители нарождающейся буржуазии — «хищники, стремящиеся доесть всю Сибирь», «царство кулаков и мироедов», «наезжие спекулянты», описываемые как торжествующие гонители.

Таким образом, в поиске идеальных форм управления для Сибири на местном материале разыгрывалась уже известная в русской публицистике оппозиция интеллигенция — буржуазия. Схематичное представление об общественном благе в сочетании с антибуржуазной риторикой обнаруживает идеи наивного общинного социализма («У Сибири в ее народном и общинном складе есть сокровища, которая она должна хранить не менее, чем сложившиеся общества хранят свои святыни»; «Земледельческая Сибирь есть образец культуры и залог гражданской жизни») и страх перед дальнейшим капиталистическим развитием («Промышленная Сибирь носит характер древнего хищнического хозяйства, в котором господствующую роль играют прииски, мироеды, пауки, спекулянты, здесь вместо промышленных производств процветают склады и кабаки») [1, № 26, 37, 38, 39–40; 2, № 1]. Знакомый дискурс русской литературы, которая, как писал И. А. Бунин в «Окаянных днях», этим запоздалым раскаянием русской интеллигенции «сто лет позорила буквально все классы, то есть “попа”, “обывателя”, мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, — словом вся и всех, за исключением какого-то “народа”, — “безлошадного”, конечно, — “молодежи” и босяков».

Общими мифологемами в двух образах будущего Сибири можно считать понятия «реформы», «образование» и «молодое сибирское поколение». В действительности все они претерпели серьезные трансформации. Сибирский университет, о котором столько было сказано в местной печати, был открыт в составе только двух факультетов (медицинского, а затем юридического) и выпускники его по-прежнему покидали Сибирь, отправляясь в Европейскую Россию или на свою родину в Туркестанский край. В условиях революции 1917 г., когда появилась реальная возможность участия сибирской интеллигенции в автономном существовании Сибири, выяснилась (как и в случае с Центральной Россией) полная неспособность областных лидеров перейти к действительному управлению: перед угрозой большевистской диктатуры они вынуждены были поддержать А. В. Колчака. Социальная мифология, которой полвека питалось сибирское образованное общество, развеялась, как пыльца, ветром перемен, так и не укоренившись на сибирской почве. Новый образ восточной окраины — «советская Сибирь», «Сибирь социалистическая» в соответствии с произошедшими идеологическими изменениями не нуждался в прежних «разработчиках» и конструировался в том числе на основе дискредитации автономистских устремлений и особенности развития сибирского региона. Победа большевиков в Гражданской войне привела к окончательному утверждению советских изданий в качестве нового официального правительственного проекта. Развиваясь на основах марксистско-ленинской идеологии, советская печать в системе государственного управления воспроизводила и абсолютизировала наиболее жесткие формы коммуникации власть — общество, характерные для предшествовавшего, дореволюционного периода (монополизация печатного слова, жесткая цензура, монологичность, организационное и содержательное огосударствление прессы, ликвидация оппозиционных изданий).

1. Восточное обозрение (СПб.). 1882.
2. Там же. 1883.
3. *Голубев А. В.* Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // *Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в.* Петрозаводск, 2008.
4. *Гуторова Н. А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
5. Дело об отделении Сибири от России / публ. А. Т. Топчия, Р. А. Топчия ; сост. Н. В. Серебренников. Томск, 2002.
6. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 13.
7. Томские губернские ведомости. 1882.
8. Там же. 1883.
9. *Шурупова Е. Е.* «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.
10. *Ядринцев Н. М.* Сибирь перед судом русской литературы // *Томск. губ. ведомости.* 1865. № 9.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 655(470.5) + 070

А. В. Штолер

РАЗВИТИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ В 60–80-е гг. XX в.

Раскрываются изменения организационных и экономических основ функционирования издательской системы Урала в результате реформы книгоиздания 1963 г., принципы и приоритеты формирования репертуара местных укрупненных издательств.

Ключевые слова: уральское книгоиздание, Свердловская область, Пермский край, Челябинская область, Средне-Уральское книжное издательство, Пермское книжное издательство, Южно-Уральское книжное издательство

В послевоенное время (до 80-х гг. XX в.) были осуществлены три реорганизации книжного дела, направленные на повышение эффективности его функционирования [5, 3]. Они были вызваны необходимостью преобразования системы управления книжного дела, пострадавшего в период войны, затовариванием книжной продукцией, выпущенной без учета спроса и ограниченных возможностей потенциальных потребителей, противоречиями между экономической и организационной структурами издательского дела, между строгой регламентированностью одной ее части (деятельности издательств) и децентрализованностью, хаотичностью другой (деятельность издающих организаций).

ШТОЛЕР Андрей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Челябинской государственной академии культуры и искусств (e-mail: shtoler.andrei@yandex.ru).

© Штолер А. В., 2011